

«За лентой»: женский взгляд из зоны СВО

За этот год в нашу жизнь вошли многие слова и выражения, о значении которых многих из нас раньше никогда не задумывались. «За лентой» — значит в зоне боевых действий. Сначала этой самой «лентой» условно называли линию разграничения, но границы менялись, а среди гражданских понятие распространилось на всю зону проведения спецоперации

Татьяна Потоцкая, журналист, заместитель директора Самарского областного вещательного агентства

Местным такие вещи объяснять не надо. В их жизнь война вместе со всеми своими неологизмами вошла еще в 2014-м. Мы поехали в эту командировку, чтобы показать тем, кто не задумывается до сих пор — как живут там, на прифронтовых территориях.

Репортаж мы выпустили 24 февраля, к годовщине начала спецоперации. Это уже потом фильм с таким же названием вышел у Владимира Соловьева. Но здесь я не претендую на оригинальность — название, конечно, лежало на поверхности и вертелось на языке у всех весь последний год.

Для меня эта история началась раньше. Впервые я побывала в ЛНР, тогда уже самопровозглашенной, но еще никем не признанной, в 2015, сразу после Минских. Я видела дома, глядящие пустыми окнами-глазницами, и людей, переживших то, что и сегодня не пожелаешь врагу.

Врагом для них стала их страна, а линия фронта разделила территории и семьи. Поэтому для меня было важно пообщаться с теми, кто эти восемь лет прожил по ту сторону. Узнать от них — как это было. И я снова услышала: «Никакого перемирия! Только победа!»

Наша съемочная группа (я и оператор) поехала вместе с Екатериной Колотовкиной, директором по развитию фонда «Звезда и лира», который помогает армии с первых дней СВО. Хрупкая блондинка с внешностью Барби — мать троих детей и жена генерала, сама отвозит гуманитарную помощь для военных и мирных жителей. После 24 февраля 2022 года не смогла оставаться в стороне и организовала

сбор всего необходимого для фронта и освобожденных территорий, объединила тысячи женщин по всей России и стала автором уникального проекта «Жены героев», который подхватила вся страна. Мы познакомились с Екатериной как раз после открытия выставки проекта в Самаре, и я напросилась с ней в очередную поездку «за ленту». Я не буду делать репортаж о репортаже и пересказывать в подробностях где мы были и что видели, хочу опубликовать только несколько эпизодов и диалогов (вошедших и не вошедших в телевизионный материал).

На рынке в Старобельске продавцы обсуждают очередной прилет.

— Что поделаешь, если у них там не все дома! — вздыхает Анатолий, высокий бодрый мужчина лет шестидесяти, и крутит пальцем у виска.
— У кого — у них? — на всякий случай уточняю.
— У этих бандеровцев! — возмущенно откликается Анатолий. У него с той стороны свои счеты. Вспоминает как в 14 его остановили и грозилась расстрелять за георгиевскую ленточку. А на мой вопрос: «Чем же все это закончится?» — уверенно отвечает: «Нашей победой! Мы за наших кулаки держим, мы в них верим! Я и сам бы пошел, только уже возраст дает о себе знать...»
— Мы своих дождалась! — вторит Анатолию его соседка по рабочему месту, в ее дом попал снаряд. Теперь она живет у сестры и каждую ночь вслушивается в звуки за окном.
— Как зло остановить? Ну как его остановить? Мы же пытались, переговоры были, переговоры, разговоры и всякие уступки, сколько мы уступали, мы не хотим этого.
Наши бойцы — молодцы, они вот берегут и население, и заботятся, сколько гуманитарной помощи передали, сухпайками делились, — по дороге к позициям наших военных разговариваем с отцом Михаилом, он из Самары, помогает с распределением гуманитарной помощи при храме в Сватово и служит полковым священником. Сам прошел Афган и точно знает, в окопах — неверующих нет.
— И сколько случаев вот с бойцами разговаривали, если окружают вот этих ВСУшников или еще кого,

предлагают сдаться, не стреляют. Ну а как тут? Воевать по-другому нельзя, тем более там сейчас уже, судя по пленным ну, скажем так, украинцев там мало остается. В основном, наемники.
В блиндажах пахнет деревом и хвоей. На стенах — детские рисунки и письма. Отец Михаил облачается в рясу и достает молитвенник. Его голос звучит спокойно и ровно, и время от времени солдаты, услышав знакомые слова, подхватывают нестройным многоголосьем. Где-то вдалеке бахает. Бойцы успокаивают: наши.

На веревках под потолком сушатся вещи, по углам — автоматы. На электрической плитке закипает чайник.

Напротив меня — молодой парень с разноцветными глазами и позывным «Велес». Накануне Екатерина показала мне его телеграм-канал и предложила заехать в гости. Велес пишет рассказы и называет свою работу лучшей в мире (это фраза, ставшая мемом, но в данном случае, если и есть здесь ирония, то только отчасти).
— А разве можно разведчику вести телеграм-канал? Рассказывать обо всем? — удивляюсь я.
— А я обо всем и не рассказываю! — парирует Велес.
— Вот тебе не обидно, что ты здесь, твои друзья здесь, а там ходят по ресторанам, гуляют, кайфуют? — включается в разговор Катя. Она часто задает этот вопрос бойцам. И ответ почти всегда одинаковый.
— Нет, не обидно. А что мне должно быть обидно? Мы здесь, чтобы люди жили нормальной жизнью, не боялись, что сверху что-то может прилететь.
— А почему одни здесь, а другие — там? — не унимаемся мы.
— Ну потому что так надо.
— Кому?
— Есть профессия такая — Родину защищать.

На полигоне, где тренируются военные, снимали добровольцев из батальона БАРС-15 «ЕРМАК». Это казачий батальон, и служат там только те, кто отправился в зону спецоперации не по повестке, а что называется, по зову сердца.
Извините за пафосную фразу — они сами так говорят. Мы уже заканчивали съемку и собирались уезжать, когда меня догнал один из бойцов.

— Девушка, а вы из Самары? Мне парни сказали, что из Самары.

— Да, — отвечаю.

— А можно привет передать?

И передал привет, глядя в камеру — труппе театра. Оказалось — артист. Пошел на фронт добровольцем. Потому что душа болит, потому что дед воевал в Великую Отечественную и освобождал Донбасс. Да и сам толком объяснить не может почему еще. Просто пошел и записался.

Ответ на этот вопрос он, как и многие, сформулировал для себя уже здесь. Когда увидел разрушенные города, в которые российская армия раньше еще не заходила, когда пообщался с мирными, дома которых расстреливали ВСУ, когда брал в плен наемников, не знавших ни украинского, ни русского языка. Тогда и понял: все правда. До этого просто знал и чувствовал, а тут — понял.

Спускаемся в подвал. Место, куда военные возвращаются после задания. Веселый молодой парень наливает нам сладкий чай. Я с детства сладкий чай не люблю и не пью. Но в окопах и подвалах у него особый вкус и особый смысл. Другого тут нет, заваривают сразу с сахаром, на всех, и я, конечно, не выделяюсь.

У парней обед. Один, на раздаче, наливает наваристый куриный суп. Другие вытаскивают на стол фрукты. Бананы, яблоки, апельсины, грейпфруты. Зимой! В подвале! В нескольких километрах от линии разграничения.

Поймав удивление в моих глазах, тот, что на раздаче, отвечает: «Это вы нам привезли». И не дав мне ответить, что в посылках, которые приехали в гумконвое вместе с нами, фруктов не было, уточняет: «Ну, в смысле, из тыла. Для нас вы все — тыл. Вы из тыла — значит от вас».

Женщинам-журналистам в окопах проще. Будь я мужчиной, наверное, не могла бы отделаться от ощущения, что занимаюсь какой-то ерундой, пока другие там, в пыли, в грязи по колено, в промокших берцах, воюют в том числе и за меня, и вместо меня. Я и будучи женщиной так думаю и вообще никогда в жизни не делила профессии на мужские и женские. И все же. Тут еще кое-что.

Мужчина — журналист всем мешает. Женщина — она как сестра или мать (кому как ближе по возра-

Молебен в блиндаже

С участниками СВО во время одной из командировок

ту). Ей не стыдно спросить о чем-то таком, что глубоко под бронежилетом. Отвечать на ее вопросы сначала странно, а потом интересно.

А еще с ней можно побыть сентиментальным. Письмо детское показать. Рассказать про какие-то свои ритуалы и приметы. Потом, конечно, все они жалеют, что лишнего наговорили или дали волю эмоциям.

А я подбираю слова каждый раз. Потому что вот что у них спрашивать? Страшно ли? «А как вы думаете».

с Екатериной Колотовкиной и добровольцем БАРС-15 ЕРМАК

те», — скажет мне любой и усмехнется. Или наврет, что ни капельки. Приходилось ли терять товарищей? Ну это совсем глупо и как из какой-то стенгазеты. Я ведь не в курсе, что хлеб не растет на деревьях, а на фронте умирают?

Приходилось ли убивать? Да нет, что вы, мы сюда песни петь под гитару приехали да письма перечитывать. Сейчас посидим в окопе, попоем, почитаем и дальше поедem. Что вы чувствовали? За что вы воюете? Какой-то заштампованный бред и глупости. А конкретику про боевые действия и прочее — конечно, нельзя из соображений безопасности и военной тайны.

Да и что я в этом понимаю? Я не военкор и слабо разбираюсь в оружии, совсем не понимаю в тактике и стратегии. Все, что меня интересовало и интересует — это люди.

Остаются только эмоции. А на эмоции они часто скупы. Потому что какой это будет боец, если нач-

нет он философствовать и рефлексировать, когда надо воевать. От этого страха я так и не избавилась. Но тут просто нужно провести побольше времени и поговорить о том о сем. Поэтому многое получается не под запись. А многое, что было и под запись, пока еще подождет своего часа.

Жанр того, что получилось в итоге, я обозначила как спецрепортаж, потому что для фильма здесь, на мой взгляд, не хватает полноценных сюжетных линий, все слишком крупными мазками, но иначе и не планировалось.

Для классического репортажа, конечно, я оставила слишком длинные синхроны, но мне хотелось как можно меньше «склеек», как можно меньше своего текста и как можно больше прямой речи и атмосферы. Люди и сама жизнь гораздо интереснее, чем наши авторские отступления. Пусть где-то нескладно, пусть местами со съемкой на бегу, но это жизнь, и это — важнее.

Обратно ехали ночью, молча. Тишину периодически прерывал треск рации. Спать не хотелось, но и отвлекать нашего водителя, тоже военного, было неловко.

Сам он явно не был расположен к беседе. И он вдруг спросил меня: «И много ваших, с телеканала вашего, уехало?». Спросил так буднично, незлобно, будто и сам знал ответ, но еще надеялся услышать другое.

«Ни одного», — говорю. Я сказала правду. Водитель повеселел. Оставшуюся дорогу мы разговаривали обо всем подряд. А я подумала, что ведь и им, оказывается, не так важно — воюешь ты с автоматом в руках или просто хорошо делаешь свою работу на своем месте и помогаешь им там как можешь. Ты остаешься в это время со своей страной, а это уже немало.

Когда я собиралась в следующую командировку один мужчина сказал мне: «Я бы ни за какие деньги не поехал!» Хотя, конечно, знал, что я делаю это не за деньги, и что в тот раз сама по просьбе знакомых везла туда больше, чем стоят все мои репортажи. Что тут ответить? Он и не поехал.

&